

vocabulary, archaisms and historicisms, common vocabulary and dialects – this is what also defines the work of art, however, no matter how competent the translator is, these words always cause difficulties in translating them.

The purpose of our study is to analyze the quality of translation from Tatar into Russian of A. Eniki's works. The works of A. Eniki are characterized by profound psychology, colorful language and detailed description of the environment and heroes. In our opinion, the transfer of the features and subtleties of the writer's language to the Russian-speaking reader is not always successful. At the same time, the achievement of an adequate translation is one of the most important tasks in translation studies, and this skill depends on correctly selected and applied transformations.

KEYWORDS: linguocultural aspect, literary translation, realities, equivalent vocabulary, A.Eniki, loan translation.

About the author: *Gabdrakhmanova Fanuza Haydarovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Turkology, Kazan Federal University; e-mail: fanuza_mayak@list.ru.*

УДК 811.11.112

С.С. Габдуллин
Уфа, Россия

О неграмматических способах выражения категории пространства в сопоставительном аспекте

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному изучению производных имён существительных в немецком, русском и татарском языках на предмет выражения ими пространственных отношений и рассмотрены их продуктивные словообразовательные модели и семантические отношения.

Ключевые слова: имена существительные с пространственным значением, словообразование, словообразовательная модель, полусуффикс, форма и значение.

Сведения об авторе: *Габдуллин Салават Самигуллович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации, Башкирский государственный университет, Уфа; e-mail: salavat.gabdullin@mail.ru*

Категория пространства относится к числу логических категорий и находит свою вещественную фиксацию и кодификацию в определенном наборе языковых средств. Она, будучи общеродовым понятием, рассматривает такие

частные подвидовые категории, как места, направления и происхождения действия, процесса или состояния.

К основным формам выражения данного признака в рассматриваемых языках относятся грамматические средства, такие как **предлоги** (*немецк. in, auf, an, aus, bei, durch, über, hinter, im, unter и др., русск. в, на, под, у, за, из, по, мимо, около и др., татарск. предлоги (кибет) аша, (урман) кырында, (елга) буинда, суфф. -га, -та, -да, -дан, -нан, наречия с признаком места (немецк. oben, unter, hinter, vorwärts, hier, da и др., русск. вверху, наверху, внизу, здесь, спереди, снаружи, снутри, сзади, там и др., татарск. аста, остэ, мында, алда, арта, читтэ, тышка*), **вопросительные слова** (*немецк. wo?, woher?, wohin?, русск. где?, куда?, откуда?, татарск. кайда?, кайдан?, кая?*) и т.д.

В претворении семантического признака пространственных отношений в немецком, русском и татарском языках активно участвуют **глаголы**, в основном, это предикаты движения в пространстве, например, *немецк. (kommen, gehen, fahren, fliegen, laufen, umziehen), русск. (приходить, идти, ехать, лететь, бежать, переехать), татарск. (килу, бару, киту, очоу, кучу)* и др.

Кроме грамматических ресурсов объективации семантического признака пространственных отношений в языке участвуют также и словообразовательные средства выражения данного признака.

В настоящей работе была предпринята попытка изучения и сопоставления словообразовательных средств репрезентации категории пространства на материале дериватов и композитов трех разноструктурных и отчасти неродственных между собой языков, такими как **татарский и русский** с одной стороны, и **татарский и немецкий языки** – с другой.

Исследованием данной проблематики в немецкой и отечественной лингвистике занимались [20, С. 238], [14, С. 420], [12, С. 118], [19, С. 359], [9, С. 178], [15, С. 37], [8, С. 74] и т.д., в татарском и башкирском языкознании – [16, С. 152], [6, С. 26], [5, С. 149], [7, С. 41], [1, С. 122], [2, С. 98], [22, С. 58] и др.

К числу словообразовательных средств выражения семантического признака локативности в немецком языке относятся как собственно немецкие, так и иноязычные суффиксы: **-ei, -erie, -ung, -enz, -t, -e, -nis, -ation, -ade, -age, -tät**, напр.: *Aufbewahrung* (хранение), *Emigration*, *Organisation*, *Promenade*, *Passage*, *Drogerie* (аптекарный магазин), *Orangerie*, *Einfahrt* (въезд), *Behausung* (жилище), *Residenz*, *Wäscherei* (прачечная), *Molkerei* (молокозавод), *Universität* и др.

Кроме того, данный семантический признак выражается редериватами, претерпивающими в процессе деривационного акта некоторые модификационные трансформации в корневой базе производного, напр.: *Bau* (строительство, от глагола *bauen* – строить), *Bräu*, *Durchbruch* (пролом, от глагола *durchbrechen* – проламывать), *Einbiss* (укус), *Eingang* (вход), *Ausgang* (выход), а также конфиксальными производными *Gemach* (*Wohnraum* – покои), *Geläuf* (*Spuren* – следы) и др.

В немецком языке семантический признак пространственных отношений экспонируется также сложными словами, вторые опорные основы которых содержат полусуффиксальные компоненты **-amt, -büro, -haus, -stelle, -lokal, -heim, -hof, -laden, -gebäude, -kammer, -zelle, -lager, -stätte, -zimmer, -gesellschaft, -schule, -halle, -platz, -raum, -stall**, напр.: *Arbeitsamt*, *Dienstbüro*, *Treibhaus*, *Pflegeheim*, *Bauernhof*, *Fischladen*, *Bierlokal*, *Telefonzelle*, *Kunstkammer*, *Werkstätte*, *Dorfschule*, *Hochschule*, *Fachschule*, *Aufbewahrungsplatz*, *Erholungsplatz*, *Universitätsgebäude*, *Weltraum*, *Aktiengesellschaft*, *Schlafzimmer*, *Pferdestall*, *Schwimmbhalle*, *Alexanderplatz*, *Obstlager* и пр.

В русском языке для выражения семы локативности специализированы следующие суффиксы: **-ище, -ация, -ние, -ник, -ница, -лка, -ка, -ня, -тель, -ина, -изна, -ье -ость, -ность, -нность, -ство**: *городище*, *стойбище*, *пастбище*, *сторожка*, *управление*, *основание*, *морозильник*, *холодильник*, *мельница*, *кузница*, *салатница*, *коровник*, *конюшня*, *маслобойня*, *обитель*, *свалка*,

раздевалка, помойка, выемка, пашня, администрация, пробоина, равнина, глубина, кривизна, крутизна, выпуклость, полость, сплуснутость, возвышенность, низменность, министерство, приход, спуск, побережье, предгорье, Зауралье и др.

В современном русском языке активно продуктивен такой способ словопроизводства, как транспозиция, т.е. переход слов из одной части речи в другую, при котором производные единицы не претерпевают каких-либо внешних изменений, напр.: *мастерская, приемная, темная, учительская, преподавательская, операционная, аспирантская, ординаторская, бельевая, столовая, прихожая, сторожевая* и др. Все они умопостигаются и формально согласуются в роде, числе и падеже со словом **комната**.

Кроме того, признак локативности и пространства в современном русском языке представлен:

- 1) в композитах с опорной основой типа **маслозавод**, **пивзавод**, **мясокомбинат**, **овощебаза**, **металлобаза**, **медпункт**, **здравпункт**, **травпункт**, **Волгоград**, **Калининград**, **Ставрополь**, **Чистополь**, **Гренландия**, **библиотека** и т.д.;
- 2) в сложносоставных словах и в сокращениях типа *школа-интернат, кафе-бар, VIP-зал, РФ, РТ, РБ, ФРГ, США, универмаг, универсам, Химпром* и пр.;
- 3) в образованиях обратного словопроизводства, напр., *сад* (от глагола *посадить*), *огород* (от глагола *огородить, огораживать*), *укус, выход, отдел* и др.

Семантический признак пространства, в частности, локативности в татарском языке несёт в основном аффикс **-ханә** и отчасти **-лык** (**-лек, -лок**), напр.: *аишханә, кипапханә, даруханә, кунакханә, хужалык, комлок, агачлык, сулык, ташлык, урманлык, жиләклек, пчәнлек, тубәнлек, министрлык* и др. В современном татарском языке встречаются также производные с малопродуктивными суффиксами **-мә, -иәт, -ык** и **-ек**, напр.: *бюлмә, бюлек, тарлауык* (*Панкити тарлауыгы*), *тыкырык, хакимиәт, җәмгиәт* и др.

Семантический признак пространства во всех трех рассматриваемых языках представлен также детопонимичными дериватами и композитами. Носителями данного признака являются: 1) суффиксы и полусуффиксы, **немецк.** *Siegmariendorf, Darmstadt, Kleinstedt, Fürstenwalde, Brandenburg, Karlsberg, Karlsbad, Korbach, Eichtersheim, Rotkirch, Bremenhaven, Peterswaldau, Ribnitz, Chemnitz, Bodensee, Wincheringen, Wernigerode, Oberhausen, Saarbrücken, Dachstein и др.; **русск.** Калининграd, Сосновка, Миловка, Покровка, Магнитогорск, Хабаровск и пр.; **татарск.** Кандрыкуль, Ачылыкуль, Таллыкуль, Стәрлебаш, Стәрлетамак; 2) сложносоставные компоненты Усть-Ивановск, Усть-Катав, Толәки-Кобау, Кәпи-Кобау и т.д.*

Предпринятый ономаσιологический и семасиологический анализ обширного пласта оттопонимической лексики с признаком обозначения места и пространства показал, что во всех языках их наименование и многообразие форм их манифестации происходит по одному и тому закону словообразовательного строительства.

Имянаречение той или иной местности могло осуществляться в прошлом по каким-то определенным признаковым особенностям рельефа, ландшафта, расположения и местонахождения того или иного населенного пункта, по историческому или культурному событию, а также по месту расселения того или иного народа, напр., **немецк.** *Deutschland, Leipzig, Frankfurt-an-der-Oder, Köln am Rhein, Russland, Finnland, Pakistan, Baschkortostan, Tatarstan* и др.; **русск.** *Финляндия, Сербия, Липецк, Ярославль, Бокситогорск, Соликамск, Куликово поле, Бабий Яр* и др., **татарск.** *Имәнле, Юкәле, Ташлыкуль, Кыска Елга, Акьидел, Имән Купер, Канлы Торки, Учалы, Югары саз, Урал таулары, Чишимә, Чибәркуль, Яңжантау, Кумертау, Маҗсарстан, Беринг богазы* и т.д.

При сопоставлении деривационных формантов трех языков с выражаемым ими семантическим признаком пространственных отношений выяснилось следующее:

1. Все языки имеют разное количество словообразовательных показателей с признаком места и пространства. В ходе данного исследования были установлены следующие цифровые данные по деривационным аффиксам: немецкий язык – 13 суффиксов с разной степенью продуктивности и 36 полусуффиксов, русский язык – 16 суффиксов и 8 полусуффиксов, в современном татарском языке выявлено только 7 формантов разной степени продуктивности и активности.
2. В немецком языке очень продуктивны и частотны полусуффиксальные основы сложений с признаком локативности.
3. В русском языке в сопоставлении с татарским и немецким языками признак места передается таким словообразовательным действием, как транспозиция.
4. В татарском языке в отличие от немецкого и русского языков существует специализированный аффикс для выражения признака локативности, это суффикс **-ханә**, напр. *мэчет ул мөсәлманнарныҢ гыйбәдәтханәсе* и др. Иноязычный формант **-ханә** в татарском языке можно вполне охарактеризовать как **полусуффикс**, поскольку передаваемый им семантический признак места четко и осязаемо проступает на поверхностном уровне сложений. Следует также особо подчеркнуть, что новые производные единицы в современном татарском языке образуются исключительно агглютинативным путём и характеризуются полным отсутствием приставок, что разительно отличает данный язык от немецкого и русского языков.

Общим для всех трех языков является наличие:

- иноязычных локативных лексем *балкон, веранда, ранчо, фазенда, клуб, факультет, апартамент* и др.;
- производных существительных с латинскими суффиксами типа **-at, -drom, -rium, -thek** (немецкий язык) и **-о/-арий, -ат и -тека** (русский и татарский языки), напр.: *Autodrom, Kosmodrom, Auditorium, Planetarium, Dekanat*,

Bibliothek, дельфинарий, деканат, ректорат, пансионат, профилакторий, библиотека, картотека и др.;

- сокращений, сложносоставных слов и композитов с полусуффиксальными опорными частями, напр., **немецк.** *AG, UNO*, **русск.** *АО, ООН, татарск.* *АЖ, БМО, немецк. Karl-Marx-Universität zu Leipzig, Imbiss-Stube, Bierlokal*, **русск.** *Караван-Сарай, маслозавод, татарск.* *Караван Сарай, Волга-Дон каналы, чайханә* и др.
- в ноэматической структуре производных оттопонимичных имен ценных аксиологических сведений, непосредственным образом отражающих историю и жизнедеятельность того или иного народа, напр., *Бежин Луг, Куликово поле, Курская дуга, Lechfeld* (битва древних германцев с мадьярами на реке Лех 10 августа 955 года), *Völkerschlacht bei Leipzig* (Битва союзных войск под Лейпцигом 16-19 октября 1813 года против армии Наполеона), *Минсалим Таши, Ябалак оясы, Сарман буйлары, Мукле куль, Аю купере* и т.д.

К числу распространенных средств выражения пространственных отношений в анализируемых языках относятся оттопонимичные композиты, семантические компоненты которых дополнительно осложнены и сопряжены модальными и оценочными значениями. В основном, это названия стран и городов, в составе которых представлены такие структурными компонентами или полусуффиксальными опорными частями, как (немецк.) *-stadt, -land*, (русск.) *-град, -поль*, (татарск.) *-стан*, напр.: **немецк.** *Leipzig ist eine Messestadt* (Лейпциг – это город ярмарок), *Trier ist eine Heimatstadt von Karl Marx und Konstantin dem Großen* (Трир – это родной город Карла Маркса (основателя учения о справедливом и равном обществе – примечание автора) и Константина Великого (заложившего первый камень в основание города Константинополь в Передней Азии – примечание автора), **Das Moselland** *ist ein Land des perfekten Weins* (Мозельский край – это край превосходного вина), **русск.** *С.-Петербург* – это настоящий наукоград, *Нидерланды* – страна ниже уровня моря; *Константинополь*, более известный на Руси как Царьград, был вплоть до

своего полного падения в 1453 году основным центром византийской культуры и религиозной мысли; В Симферополе, в городе боевой славы, расквартирован главный штаб черноморского флота России; татарск. Башкортстан – ул куп милләтлә илебез и др.

Топосовую *-град* в современном русском языке со словообразовательной точки зрения можно было бы назвать *полусуффиксом*, который в отличие от подлинно суффиксальных средств лексически и функционально предопределен. Данное предположение можно подкрепить тем, что данная строевая единица на синтаксическом уровне языка может беспрепятственно вступать в те или иные виды словосочетательных и присловных отношений с другими членами предложения, например: Киев – *стольный град*; Новгород – *вольный град*, Петербург – *новый град* царя; Обращение Первопрестольного к *Граду* и Миру (*“Urbi et Orbi”*) и др.

На занятиях по иностранному языку могут одновременно контактировать друг с другом два или три языка разных систем и различных структур. Свободное владение, например, русским и татарским (башкирским) языками, позволяет легче воспринимать и глубже понимать изучаемый иностранный язык с учётом всесторонней экспликации их мельчайших и кратчайших единиц, которые впоследствии помогут сложить в сознании учащихся адекватную систему лингвистических знаний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахтямов М.Х. Обратный словарь башкирского языка. – Уфа: Изд-во Китап, 1999.
2. Ахтямов М.Х. Обратный словарь татарского языка. – Уфа: Изд-во Китап, 2001.
3. Габдуллин С.С. Имена абстрактные в контексте контрастивного описания / Сб. науч. тр. «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы конференции». – Северодвинск: Изд-во Поморского ГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – С. 331-333.
4. Габдуллин С.С. Об именах существительных с собирательным значением и об их словообразовательных моделях в немецком, русском и татарском языках (контрастивно-типологический аспект) / Сб. науч. ст. «Актуальные

- проблемы современного словообразования». – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. – С. 94-98.
5. Ганиев Ф.А. Современный татарский язык. Словообразование. – Казань, 2005.
 6. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. – Уфа, 1959.
 7. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М., 1948.
 8. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. – М., 1981.
 9. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992. – С. 221.
 10. Кунакужина Л.М. Топонимы в языковой системе (на материале немецкого и башкирского языков) / Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: БашГУ, 2003. – 168 с.
 11. Мурясов Р.З. Топонимика в словообразовательной системе языка // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4.
 12. Мурясов Р.З. Словообразование и функционально-семантические категории (на мат-ле суффиксальных сущ-ных немецкого языка). – Уфа, 1993. – 225 с.
 13. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Сост. Р.З. Мурясов и др. / Под ред. М. Д. Степановой. – М.: Русский язык, 1979. – 536 с.
 14. Степанова М.Д. Словообразование в современном немецком языке. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1953. – 375 с.
 15. Суперанская А.В. Что такое топонимика. – М., 1985.
 16. Татарская грамматика. Том I. / Под ред. М.З. Закиева. – Казань, 1995.
 17. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. – Казань: Изд-во КГУ, 2005.
 18. Хисаметдинова Р.Ф. Топонимы и их дериваты в языковой системе (на мат-ле немецкого и русского языков) / Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2000. – 140 с.
 19. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М., 2001. – 504 с.
 20. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1976. – 363 S.
 21. Әхтәмов М.Х. Һәҙерге башҡорт теле: Лексикология. – Өфө, 1986.
 22. Әхтәмов М.Х. Башҡорт теленең морфемалары. – Өфө, 1996.
 23. Әхтәмов М.Х. Башҡорт теленең һуҙъяһалышы. – Өфө, 2000.
 24. Һәҙерге башҡорт теле /Под ред. З.Г. Ураксина и К.Г. Ишбаева. – Өфө, 1986.

S.S. Gabdullin
Ufa, Russia

**On nongrammatical forms of expression of the category of expansivity
under comparative aspect**

ABSTRACT. The article is devoted to the comparative analysis of derivative nouns in the German, Russian and Tartar languages on the point of the expression of the meaning of the location relations. The paper considers their productive word-building models and semantic relations.

KEYWORDS: Nomina loci, wordformation, wordformation act, semisuffix, form and meaning.

About the author: *Gabdullin Salavat Samigullovitch, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the foreign languages for the professional communication, Bashkir State University, Ufa; e-mail: salavat.gabdullin@mail.ru*

УДК 81.23

I.V. Demidova
Moscow, Russia

Are there any ways to protect endangered languages from dying out?

ABSTRACT. This paper explores challenges to linguistic vitality confronting minority languages, ways to protect linguistic diversity in the background of globalization as many of the world's languages face serious risk of extinction. The author reviews and summarizes most common professional contributions from the highly-charged debate on necessity to document and preserve critically endangered languages and explains some causes and consequences of the loss of linguistic diversity. The author provides an example of the endangered languages in Russia: Tofa, a Siberian language spoken by only 35 out of 600 Tofalar people in central Siberia. This article describes the sounds, lexicon, grammar, and cultural knowledge found in the Tofalar culture and language. The article also outlines two examples of successful projects currently underway to sustain minority languages (The Living Tongues Institute and The Enduring Voices projects) which are aimed to provide online resources to record, access and share samples of and research on endangered languages, as well as to share advice and best practices for those working to document or strengthen languages under threat.

KEYWORDS: Tofa, language diversity, globalization, minority languages, indigenous peoples.

About the author: *Demidova Irina Viktorovna, senior teacher of Foreign Languages Department №2, Plekhanov Russian University of Economics, e-mail: kravdem@yandex.ru*